

Перед глазами зрителя проходит кадры, которые войдут в историю. Это рассказ о том, как было положено начало новой эре в международных отношениях...

На снимке: кадры из кинофильма о пребывании Н. С. Хрущева в США.

От палаты к палатке

В ЧЕРА я побывал в нескольких столичных магазинах, торгующих предметами домашнего обихода...

Побывал я и в выставочном кабинете Всесоюзной торговой палаты и пожалел о том, что эта экспозиция предназначена для крайне ограниченного круга посетителей...

Итак, переходя от одного образца к другому, задавая один и тот же стереотипный вопрос, получаешь столь же стереотипный ответ...

Когда я смотрел огромную, пожалуй, самую обширную в этом зале, коллекцию игрушек, невольно подумал о пятилетнем Сашеньке Фетисове, которого встретил в магазине «Детский мир»...

Показали нам и холодильники. Ведь все, что есть в продаже, уже давно — музейные экспонаты. А вот стоит «ЗИЛ-240», по габаритам такой же, как и «ЗИЛ-165»...

Есть и отличные электрические плиты, утюги с терморегуляторами, оригинальные тостеры — приборы для поджаривания хлеба...

Р. КОСТИН

Мы холода не боимся. Но тепло — лучше!

ПОЕЗДКА Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты Америки...

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Доверия; разоружаться нельзя, так как в этом случае «агрессивный» коммунизм без труда, голыми руками захватит весь мир...

Вспоминаются слова, сказанные Н. С. Хрущевым в Питтсбурге: «Хотя климат в вашей стране значительно мягче и теплее, чем в нашей, тем не менее от вас, а не от нас, идет политический холод»...

Грязные, дикие, с нашей точки зрения, вопросы задавали часами, очень хорошие люди. Им много лет вручили неселевые предствления, они пришли верить в небывальи. Взяты хотя бы пресловутый, так много раз повторенный вопрос: намерен ли Советский Союз «заковать», «похоронить», «уничтожить» капитализм, а заодно и Соединенные Штаты Америки?...

Можно назвать главные «аргументы» тех, кто разжигает вражду, взвизгивает наприженность, гонит вооружения. Вот они, эти отвратительные стрелы, которые нацелены в грудь человечества: Советский Союз, коммунисты не заслуживают

договора; разоружаться нельзя, так как в этом случае «агрессивный» коммунизм без труда, голыми руками захватит весь мир...

Но клеветников это не интересует: им всегда хочется поставить оклеветанного в трудное положение. Вот один из примеров бездарного «тролчатства» тех, кто пытается сорвать обсуждение сложных вопросов современности...

Осторожно, экивоками, с неизбежными лидерскими «комплиментами» по адресу советских предложений в ООН, ведущие буржуазные газеты пытаются снова «навести тень на плетень»...

Еще раз напоминаем: климат у нас, в СССР, суровый. Холода мы не боимся, он нас никогда не погубит, скорее погубит кто-нибудь другого. Но и мы предпочитаем тепло политических отношений, честно и искренне предлагая дружбу и сотрудничество.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

УРОК ИСТОРИИ

В чужих городах, где мы не гостили, Кршатся камы, мрут старики, Меняются нравы, привычки, стили.

И снова волны большой реки Легко и бесшумно катятся к устью. Мы смотрим на волны и говорим О прошлых веках с умиленной грустью. Один вспоминает мраморный Рим, Другой — Карфаген, а третий — Помпею. Я вижу пляску беснечных толп, Я слышу музыку, но не успею Прорваться... вырос огненный столб. И снова, снова волны бесшумны. Пока никто не дул засад, Испанцы жгли дворцы Монтесумы. И только шестнадцатый лет назад В пещах Осенница палла безумный, Кудрявый, стройный и смуглый сад. И только четырнадцать лет назад Зажали янык детей Хропанья.

Пора на старт, пилоты-орлы! На приступ! Завтра исколесим мы Междупланетных морей валы.

Мы ляжем на курс иных космогоний, Войдем в открытое время саом, Швырнем на память о том переломе В смелой бутылке наше письмо.

Пускай разбирают мудрые внуки Каракули наших ранних побед. Сверкая, многозвездная даль науки! Сверкая ледниками, горный хребет!

Не спи, Человек — прижоржонный спорщик! Забудь о прошлом! Все вперед!

Голубка мира перья топорищ, Прижалась нежно к твоей груди.

Большой разговор о книге

15 октября в Колонном зале Дома союзов состоялось собрание актива библиотечных работников Москвы...

Собравшиеся обсудили задачи библиотечных работников столицы в свете постановления ЦК КПСС о состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране.

В своем докладе министр культуры СССР Н. Михайлов привел интересные данные, характеризующие заботу партии и правительства об удовлетворении непрерывно растущих духовных потребностей советского человека.

Широкое развитие получило в СССР библиотечное дело. В стране сейчас насчитывается около 400 тысяч библиотек с фондом 1 600 миллионов томов.

Передо мной пожелтевшие от времени странички годовых отчетов Харьковской общественной библиотеки. Так называлась она до революции. Созданная на средства передовой интеллигенции, она существовала и росла только благодаря вниманию и помощи общественности.

Нет нужды говорить о том, как изменилась постановка библиотечного дела в нашей стране после Великого Октября. С 1922 года библиотека носит имя замечательного русского писателя-гуманиста В. Г. Короленко.

До сих пор сохранилась хорошая традиция — многие писатели, деятели науки, искусства шлют нам книги с автографами. К сожалению, на этом и кончается участие писателей в большой работе библиотеки.

Сегодня личные библиотеки пополняют новыми книгами. Библиофильмы Кувайса (Узбекистан) выбирают их в специальном магазине самообслуживания.

ПИСАТЕЛЬ И БИБЛИОТЕКА

А правильно ли, что кончается? Почему бы не воскресить, например, такую хорошую традицию, как непосредственное участие писателей в работе библиотечных советов...

ПУСТЬ НЕ МЕРКНЕТ ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА!

ПО УЛИЦЕ идет летчик-лейтенант. Рядом с ним, стараясь понасть в ногу, шагает выхристый мальчуган. Иногда он забегает вперед, и широко раскрытые от восхищения глаза...

Спенка эта описана в письме А. Буруна «Золотая Звезда Героя», помещенном в «Литературной газете», № 71. «Что это — равнодушье?.. Может быть, чистая случайность?» — спрашивал автор.

«Неудобно говорить о себе, — пишет из Ленинграда Герой Советского Союза Виктор Александрович Гнедин, — но после статьи А. Буруна хочется рассказать о наиболее». В. А. Гнедин вернулся с фронта тяжелым инвалидом.

«Теперь это быстрее — в наш быт! Когда читается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения...

«Теперь это быстрее — в наш быт! Когда читается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения...

«Теперь это быстрее — в наш быт! Когда читается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения...

«Теперь это быстрее — в наш быт! Когда читается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения...

«Теперь это быстрее — в наш быт! Когда читается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения...

В СУБОТНОМ НОМЕРЕ:

- Б. Леонтьев. Мы холода не боимся. Но тепло — лучше!
П. Антокольский. Урок истории.
Б. Дунаевский. Второе сердце.
А. Лазебников. Поиски городского из Устюжны.
Н. Соколова. О наших детях.
С. Антонов. Рассказ в кино.
И. Эренбург. Письмо в редакцию.
Арго. Литературные пародии.
Эрнест Хемингуэй. — Редактору «Литературной газеты».
Тойн де Фриз. Социалистический реализм.
Л. Славин. Последняя трансформация г-на Мальро.
Ю. Гаврилов. Время не властно...

Вести с Северного Кавказа

Широко и торжественно отметили балкарский народ 100-летие со дня рождения основоположника балкарской литературы Казима Мечиева.

Вечер, посвященный этой славной дате, состоялся в Нальчике. Доклад о жизни и творчестве Мечиева сделал Кайсан Кулиев. Стихи о Мечиеве прочитали балкарские и кабардинские поэты С. Шахмурадов, А. Шогенцуков, Е. Гуртчиев, А. Шомалов. На вечере присутствовали участники выездного бюро правления Союза писателей РСФСР. На празднике закончили свою работу выездное бюро правления Союза писателей РСФСР. Обсуждали доклад Р. Гамазова и А. Кешкова о проблемах горских литератур и доклад Н. Калыева о вопросах перевода. В прениях участвовали Х. Теурнов, В. Полторацкий, Б. Зиянов, С. Михалков, В. Друзин, Г. Кайтуков, С. Липкин, Д. Костанов, Б. Зубанин, А. Софронов, А. Шогенцуков, И. Машбуш, С. Воронин, Г. Корабельников, А. Хадарцева, А. Хамидов, П. Хузангай, Д. Кугультинов, В. Деметьев, К. Кулиев, Т. Джатиев, И. Тресков и другие. В работе приняли участие старейшие поэты Северного Кавказа А. Гафуров, А. Хавлачев, С. Шахмурадов. Большую роль в бюро прозаический секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. Мальбахов. На заключительном заседании выступил председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев.

★ В Орджоникидзе на юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения Коста Хетагурова, прибыли писатели Москвы, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, автономных республик и областей Северного Кавказа.

В Доме Советов состоялся литературный вечер молодежи, в котором приняли участие Р. Гамазов, В. Друзин, П. Хузангай. На встрече с металлургами завода «Электротрактор» выступили В. Кочетов, М. Мамакаев, Д. Яндиев.

Днем 15 октября гости возложили венки на могилу К. Хетагурова. Вечером в национальном музыкально-драматическом театре состоялось торжественное заседание. Доклад сделал первый секретарь Северо-Кавказского обкома КПСС В. Агваев. Поздравления от имени Союза писателей СССР и РСФСР передали Б. Кербашев и В. Кочетов.

Смешно: и дождь, и снег...

Фото А. Князева

Наших детях

КОРОТКИЕ ЗАПИСИ

В ЗАВОДСКОМ ГОРОДЕ

Я В КОМАНДИРОВКЕ, в Горьком. Поселок Автомобильного завода.

— Ого, у Вадика новые ботиночки! — кричат дети под самым моим окном. — Шинять Вадика! С обновой его...

— Папка с премии кушил, — солидно объясняет белообрый всушачный Вадик, притопывая новыми ботинками. — В этом году такого месяца не было, чтобы папка без премиальных.

Хвалится Вадик на деньгами — работой.

Раз премиальные — значит, план перевыполнен, значит человеку почет и уважение. В заводском городе это понимают даже дети, которые еще не учились как следует читать и писать.

СЕГОДНЯ

Мать зовет Ирину ласково — «моя синеколка». Если, конечно, Ирина ничего не натворила, пока мать была на работе, у себя в институте. А если натворила, то мать сердится и говорит совсем другим голосом: «Ты, слава богу, не маленькая семилетка, а прощай вещи не понимаешь».

Сегодня маленький Игорь пришел на кухню и сел на низенькую табуретку, пригнорюничавши, подперев кулаками толстые щеки.

— Не хочу маме в комнате мешать. Она готовит доклад. Об Ирине.

— Доклад об Ирине? Ты ты болтаешь, Игорек? — удивилась соседка.

— Да, мама сама сказала. Доклад про семилетку. — Он шумно вздохнул. И спросил с внезапно пробудившейся надеждой: — А когда я стану, как Ирина, про меня тоже мама будет делать доклад?

Вчерашний день

Короткая запись в старом, истрепанном блокноте — блокноте сорок второго года. Всего несколько строк.

«Постучала в дверь. Слышу детский голосок. Горючо.

— Открой, девочка. Или позови кого-нибудь из взрослых.

Девочка отвечает, приложившись губами к замочной скважине:

— Бабушка умерла. Мама на лесозаготовках. Теть Зина в очереди за хлебом. Папа у нас пропал без вести. А я не могу дотянуться до замка».

Феликс и его папа

— Сморгашевы, как перхонская труба! — говорит бабушка ворчливо.

— Перхонская? — Феликс повторяет несколько раз это слово, чтобы получить его запомнить. — Не знаю такой. Аэродинамическую трубу знаю. Вот если бы я был, как папа, инженер... — Подумал. — А перхонская труба это тоже из авиации?

— Папа, что такое выдра?

Папа читает газету. Отвечает, не поднимая головы:

— М... выдра это в новом деле... ну, при прошивке так называется вырезанная часть заготовки.

— А почему же здесь сказано: «Зимой выдра держится близ поймы и в глубоких бочагах, где скапливается рыба?»

Папа отрывается от газеты.

— Ах, такая выдра? — Он удивлен. — Знаешь, мне просто не пришло в голову...

Феликс делает уроки.

— Как неудобно множить на 7, на 9. Хорошо бы множить всегда на 5 и 10, а папа?

— Соскучился, сынок.

— Да... Пожалуй.

Встречаю Феликса на улице. Он протягивает мне руку в пестрой варежке и быстро выпаливает:

— Папин завод работает ритмично... Папиному заводу дана благодарность... О папином заводе написали в газете, у мамы вырезано.

Я говорю, что зайду завтра к ним домой, мне надо почитать папу. Румяное лицо Феликса краснеет.

— Завтра будет тридцатое число. Наверд ли он вернется рано.

— Ты же говорил, что завод работает ритмично.

— Все-таки лучше заходите второго или третьего, — говорит мальчик тоном опытного, выдавшего виды производственника. — Знаете, всякое бывает...

МОСКОВСКИЙ ДВОРИК

Пригревало весеннее солнце. На асфальте московского дворика гоняли

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

Б. ДУНАЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК, В то время считалось, что принаследать к сердцу, экспериментировать на нем не следует: такие опыты обречены на неудачу. Но, вступив на путь исследования, Демиков ничего не хотел принимать на веру. Демиков мечтал о сердце, которое было бы полноценной заменой природному. Искусственный, но вполне работоспособный орган, — вот что хотел он создать.

— Протез сердца? — с издевкой спрашивали его.

И не удивительно, что замысел такого рода встретил возражения: ведь никто, никогда, даже среди крупных ученых, не решился на эксперименты с сердцем.

Однако нашлись у него и сторонники — и это тоже не удивительно: в стране, где новаторство, дерзновение, смелость признаются едва ли не органическим свойством человеческой мысли, это и не могло быть иначе.

Он сам построил прибор и со всей тщательностью заменил им сердце у подопытного собаки. Животное погибло. Всего два с половиной часа прожилось оно без собственного сердца.

Ну, вот как будто и доказано, что сердце ничем не заменить. Назалось, именно такой вывод следовало сделать. Но Демиков пришел к обратному заключению. Собака жила два с половиной часа после того, как у нее было ампутировано сердце, и это знало больше, чем наступившая в конце концов смерть! Это свидетельствовало о том, что жизнь в организме можно поддержать искусственными средствами. Но для этого нужен протез лучший, чем тот, какой он смонтировал для своего первого опыта. Найти этот, более совершенный протез — в этом видел теперь Демиков свою задачу.

С этой мыслью не расставался он, усажив в вузе, с нею встретил он войну, ею был поглощен в свободные минуты на фронте. И с нею же возвратился в Москву после победы.

Нужны были помощники, лаборатория, подопытный материал, медикаменты. Обычно ученые не испытывают во всем этом недостатка. Но был ли он ученым? Люди, с которыми он делился своими замыслами, не сразу разглядели дарование в молодом человеке, не имевшем ни опыта, ни научной репутации. Но убедительность его доводов действовала заражающе на слушателей. В него уверовали руководители института. Не изначало учебного года, но в имеющегося отношения к проблеме, которую он разрабатывал. Он получил место для работы, материалы, животных для опытов. В помощниках — добровольных и бесплатных — тоже не было недостатка: студенты шли к нему с величайшей охотой.

И он нашел то, что искал так долго и упорно, — протез для замены сердца, главного источника жизнедеятельности организма. Демиков задумал освободить этот орган от роковой власти случайностей и подчинить его работоспособность разумной воле человека. И с самого начала он решил ставить свои опыты на теплороковых, близких к человеку животных, с тем, чтобы как можно скорее дать больным людям новые сердца взамен изношенных, пришедших в негодность.

Хотя Демиков и представлял себе

всю трудность задачи, решить ее оказалось намного труднее, чем он это предвидел. Сколько было неудач, сомнений, обманных успехов! — еще более горьких, чем неудач!

Возможность пересадки даже такого органа, как сердце, экспериментально доказана многими десятками опытов. Собаки с двумя сердцами, оперированные в лаборатории В. Демикова, живут по месяцу и больше. С уверенностью можно предсказать уже на самое ближайшее время, что животные, получив вторичное сердце, доживут до старости своего конца. Полная замена сердца также не вызывает немедленной гибели — по шесть и более суток живут в лаборатории подопытные собаки, перенесшие эту операцию.

Не заглохла и юношеская идея Демикова о создании механического сердца. Не так давно усовершенствованный вариант этого прибора был подвергнут новой экспериментальной проверке. На этот раз протез был изготовлен на заводе, совместно с опытным конструктором и из наиболее подходящих материалов. Это сказалось на результатах: пять часов механическое сердце поддерживало кровообращение в организме животного, у которого собственное сердце было удалено. Этим сроком работоспособности прибора не ограничивается: опыт прекратили раньше, чем были исчерпаны возможности механического сердца.

«Многочисленные эксперименты, поставленные на протяжении двадцати лет, — пишет Демиков в своей диссертации, — позволяют мне говорить о возможности замены сердца протезом с такой же уверенностью, с какой я сегодня могу утверждать, что завтра взойдет солнце».

Кто решится подвергнуть сомнению истинность этого смелого заявления? Протезы, которых столько было у Демикова и двадцать и даже десять лет назад, когда утверждение это многим представлялось фантастической гипотезой, уже не найти. Часть из них, убежденная неопровержимой логикой достигнутых результатов, перешла в лагерь сторонников, часть просто не решается выступать против доказанного.

Работы Демикова, естественно, привлекают внимание многих ученых, и часто его операции называют «хирургией будущего». Однако и нынешняя практическая медицина могла бы извлечь много полезного из его опытов.

Большое значение имело бы применение на предварительном этапе инфаркта миокарда, вызванного атеросклерозом. Это болезнь уносит множество жизней. И девять десятых всех случаев инфаркта возникает из-за сужения артерий сердца, вызванного атеросклерозом.

В лаборатории В. Демикова достигнуты обнадеживающие результаты в борьбе с этой грозной опасностью. Операция, разработанная здесь, основана на исследованиях советских и иностранных ученых, установивших известную закономерность в повреждении атеросклерозом сосудов сердца. По идее автора операции, последствия сужения сердечного сосуда могут быть предотвращены, если использовать для кровоснабжения тканей сердца другую артерию, включив ее в кровообращение и

Труд физиолога В. Демикова связан с новыми направлениями в медицинском науке. Ученый экспериментально решает проблему замены отдельных органов в живом организме. Результаты достигнутые им в этой области, в угоду вызвали даже сомнение.

Таб. А. Амичинский из Таганрога-Полесского района Мордовской АССР просит сообщить, действительно ли ученому «удалось достигнуть такого фантастического успеха, или это вымысел, расписанный на санскрипт».

Достижения в науке В. Демикова, конечно, не выскочили в одночасье. Сообщения о его работе, время от времени появлялись в печати, отвечают действительности. Но сколько лет назад и «Литературная газета» не читали, чтобы получить об этих работах более подробные и достоверные сведения. Они найдут их в этом очерке.

лечения человеческих недугов, признавалось неоспоримым, что замена живого органа невозможна. А ведь истинность этого убеждения никогда не была доказана. И можно лишь удивляться тому, что человек с его пытливым умом долго мирился с этим убеждением, не пытаясь подвергнуть его строгой и объективной проверке.

Но я знаю, можно ли считать началом новой эры в медицине день, когда безотчетная эта вера подверглась первым испытаниям? Да и с какого дня начать отсчет времени? С того ли, когда было произведено первое переливание крови? Или от первого опыта с аппаратом для искусственного кровообращения, построенным профессором Брюхоносовым? Или от надежд и разочарований, сопровождавших широко известную операцию Воронова? Пусть не всегда увенчались успехом эти труды, но то были смелые попытки, которыми зачинатели большого дела прокладывали путь для своих последователей.

В 1938 году американский ученый Джастин Швинд заменил у крысы ногу. Два года спустя советский исследователь Анастас Ляпчикский повторил этот опыт. Получила известность работа проф. Богораза. В лаборатории проф. Синицына жила лягушка с замененным сердцем. Все это, однако, были лишь разрозненные островки успеха, терпящиеся в целом море неудач.

Двадцать лет назад студент Владимир Демиков задумал пойти гораздо дальше того, что сделано было его предшественниками. Дело касалось сердца, главного источника жизнедеятельности организма. Демиков задумал освободить этот орган от роковой власти случайностей и подчинить его работоспособность разумной воле человека. И с самого начала он решил ставить свои опыты на теплороковых, близких к человеку животных, с тем, чтобы как можно скорее дать больным людям новые сердца взамен изношенных, пришедших в негодность.

лечения человеческих недугов, признавалось неоспоримым, что замена живого органа невозможна. А ведь истинность этого убеждения никогда не была доказана. И можно лишь удивляться тому, что человек с его пытливым умом долго мирился с этим убеждением, не пытаясь подвергнуть его строгой и объективной проверке.

Но я знаю, можно ли считать началом новой эры в медицине день, когда безотчетная эта вера подверглась первым испытаниям? Да и с какого дня начать отсчет времени? С того ли, когда было произведено первое переливание крови? Или от первого опыта с аппаратом для искусственного кровообращения, построенным профессором Брюхоносовым? Или от надежд и разочарований, сопровождавших широко известную операцию Воронова? Пусть не всегда увенчались успехом эти труды, но то были смелые попытки, которыми зачинатели большого дела прокладывали путь для своих последователей.

В 1938 году американский ученый Джастин Швинд заменил у крысы ногу. Два года спустя советский исследователь Анастас Ляпчикский повторил этот опыт. Получила известность работа проф. Богораза. В лаборатории проф. Синицына жила лягушка с замененным сердцем. Все это, однако, были лишь разрозненные островки успеха, терпящиеся в целом море неудач.

Двадцать лет назад студент Владимир Демиков задумал пойти гораздо дальше того, что сделано было его предшественниками. Дело касалось сердца, главного источника жизнедеятельности организма. Демиков задумал освободить этот орган от роковой власти случайностей и подчинить его работоспособность разумной воле человека. И с самого начала он решил ставить свои опыты на теплороковых, близких к человеку животных, с тем, чтобы как можно скорее дать больным людям новые сердца взамен изношенных, пришедших в негодность.

Поиски городничего из Устюжны

А. ЛАЗЕБНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ Устюжны я познакомился с Августой Васильевной Головановой. Она была приятным гномом по экспозиционным знаниям, а небольшую коллегию свою соборно издала небольшую лекцию. То были бережно хранящиеся письма А. И. Куприна ее отцу — почтовому чиновнику Устюженского уезда. С разрешения Головановой я переписал эти письма и собрался уже уходить, когда она обратила мое внимание на незаметную рамку на стене тускло освещенного зала.

— Самый драгоценный экспонат, — сказала Августа Васильевна. — Этот документ попал к нам совершенно случайным путем.

И пока она рассказывала о 73-летнем преподавателе русского языка — устюженине Андрее Александровиче Поозеев, который добыл этот документ и «нашел ключик к давней литературной загадке», я бездельно пролистал страничку на плетеном листе за стеклом: «Милостивый Государь мой Иван Александрович».

Известна часть, что проежающий из Вологды на собственных лошадах в карете некто в партикулярном платье с мальишским знаком, прожигает во вверенном Вам Городе более пяти дней... необходимо считано иметь от Вас сведения по какому случаю проживал он в Устюжке, не входил ли в общественные Собрания и в присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на канцелярские предметы...

Иванович Макшеев мог быть сыном городничего.

Учитель в Устюжке его родня Поозев написал в Ленинград. Здесь в конце прошлого столетия географ Макшеев преподавал в Академии генерального штаба.

— Когда в адресном столе Ленинграда мне назвали 80-летнего Макшеева, единственного в списке, отчество которой было Алексея, я, вместо отчества, почувствовал себя вдруг узником созданного собственным воображением плана поиска Сквозникова-Дмухановского из Устюжны, — с улыбкой вспоминает учитель.

Старуха, жившая на Петроградской стороне, действительно, она казалась дочерью географа.

Проблема Поозеева — поделиться воспоминаниями об отце и деле — насторожила Наталью Алексеевну.

Андрей Александрович откровенно пояснил, что желание документально подкрепить версию о случившемся в Устюжке происшествии привело его сюда.

— Да ведь это вздор да молва, — решительно запротестовала старуха. — Отец мой опроверг эти слухи, оставив нам написанный им за год до смерти лист.

В ту минуту Поозеев, кажется, впервые испытал то, что он назвал мне позже «ознобом откровения».

— О чем, — спросил он, — запись?

— Об всем, что изложил четверть века назад Васильевич Гоголь в своих «Мертвых душах». Учитель Иваньяков богоугодных заведений в Устюжке никогда не бывало, а стало быть, и попеть их, Земляника, — липо вымышленное. Учитель же истории студьев вовсе не молал, как изволил писать о нем автор комедии, а просто нерадивых учеников посеред класса...

Позже Поозеев стал обладателем этого документа, написанного Макшеевым-сыном: но в тот день он узнал немало удивительного.

Кто-то из многочисленной родни этой старухи, — кто и где, она не обмолвилась, — хранит и по сей день бумагу новгородского губернатора Августа Денфера городничего. Ввиду прибывшем в Устюжку невестом, в партикулярном платье и с Мальишским знаком в живых еще некая Екатерина Ивановна Рубайло — владелица портрета маслом городничего.

Но главное, что увозил Поозеев из этого дома, лежало у него в кармане — список правнуков, бесчисленных внучатых племянников и племянниц Макшеева, названных ему Натальей Алексеевной.

НА ОБДУМЫВАНИЕ нового маршрута у Андрея Александровича было достаточно времени. До следующих летних каникул оставался целый год. Он успел немало сделать в самой Устюжке. Екатерина Ивановна Рубайло, непреклонная вичка, как и ее ленинградская родственница, слалась, наконец, уговором Поозеева и передала ему портрет городничего. Она повесила его, что над Макшеевыми немало злословили в свое время, видети в них прямых потомков Сквозника-Дмухановского.

— Всем им доставалось по-разному. Они старались, как умели, оградить себя от измешек и оговоров своих современников, — рассказывала Поозееву Рубайло, — даже бумажку какую-то припрятали...

Незримая круговая порука связывала всех этих здравствованиях старух и стариков, заискивавших Поозеевым в своей список. Никто не пожелал ответить ему на письма, которые он неутомимо рассылал.

— Разочарования поджидали меня не только в переписке, но и во всех последующих поездках, — рассказывал Поозеев. — Я решил завершить свои поиски в Новгородской области, где безвыездно жила много лет в далеком от железной дороги Долговском сельцоvente 76-летняя Евгения Алексеевна Синявина — не последняя и не самая еще старая в моем списке.

ДОМЕ Синявиной все говорило о старине. И я почувствовал уверенность, — вспоминает Анд-

рею Александрович, что после долгих бесплодных скитаний именно здесь, в этом доме, предстол последняя битва. Старуха молчаливо слушала меня.

— Запрос Августа Денфера городничему Макшееву у вас, — настойчиво сказал я, — это мне хорошо известно. Старуха подыслась со стула и, учтиво извинившись, что оставляет меня одного, вышла из комнаты. Прошло несколько минут, и она появилась вновь, держа в руках какой-то древний том. Медленно перелистав его, она извлекла лист и протянула его мне.

«...если же он и ныне находится в Устюжке спросите о звании его и меня без промедления времени уведомить».

С почтенным имею честь милостивый государь мой быть ваш покорный слуга Август Денфер» № 5829 20 мая 1829.

Поозеев обращает мое внимание, что дата, поставленная над текстом документа — «27 мая 1829 года» — сделана другой рукой, написана новым почерком. Это дата получения бумаги в Устюжке. По тем временам довольно быстро прошла она путь от Новгорода до канцелярии городничего. Бумагу, видимо,

Лицом к лицу с этим интереснейшим документом Поозеев задавал себе множество вопросов:

— Где, в каких архивах искать ответ городничего? Не может быть, чтобы офицер Кекгольмского полка, поручик в отставке Макшеев не ответил незамедлительно и подробно своему высшему шефу о происшествии в вверенном ему городе. Что за таинственная причина заставила много лет спустя сына городничего скрыть у себя дома документ, который подтверждал упорную версию тех дней о географическом происхождении сюжета «Ревизора»?

Не помогли ли друзья генерала Макшеева извлекать из архивов этот документ?

— Я считаю, что самые интересные поиски еще впереди, — говорит Андрей Александрович. — Моя находка — лишь малая толика. Главные находки ждут своих исследователей.

Устюжка, Вологодская область.

матр ребишкин из ближних домов. Они сложили в чучку порфели и ранцы, отметили границу воображаемых футбольных ворот брошенными прямо на землю пальто и курточками.

— Сережа! Чево-то твоего брата маленького не видно? Заболел, что ли?

— Да нет, — махнул рукой Сережа, «вратарь», в кепке, одетой козырьком назад, и в форменной школьной гимнастерке без ремня. — Он его взяли и отдали, — он помялся немножко, — в кино.

— Вылетелись? — спросил шербаый мальчишка, у которого как раз менялись передние зубы и который явно артистически плевать сквозь образовавшийся продел. — Это шаркаро!

— Балда! В кино, сниматься, — мрачно бросил Сережа.

— Тож нечего себе. За это хорошо платят. И потом — слава, — сказал окаяный «правый край», который все знал и обо всем имел собственное мнение. — И в школу не надо ходить... Ах, да, он же еще дошкольник.

Сережа хакнулрился.

— Много вы понимаете. — Он дома мог дать брату подзатыльник, но перед чужими считал своим долгом стоять за него горой. — Вас бы туда, в это самое кино.

— Ну, что там может быть? Не бьют, уроков не задают.

— Ему косы отгратили, вот что... Да, да. Он за девочку снимается. Два месяца растли, пока снимать стало можно. Так он теперь с косами и есть.

Ребята перелягнулись, ужас положения дошел до них вполне.

— Да, — сказал тот, который все знал и обо всем имел собственное мнение, — уж лучше бы бил.

— Упал он, нос расквашал, — продолжал Сережа, — так три смежных дня пропал. Мама санки забрала, с тех самых пор не дает ему дыхнуть. Никуда не отпускает.

— А если ваять ножицы и того... остричь косы?

— Так ведь у них там план, — сказал Сережа невесело. — А план срывать нельзя.

Все согласились, что это так — действительно, план срывать нельзя.

ПРО ЛЮБОВЬ

Сестры-близнецы в одинаковых сарафанах, синих с белыми горошками, болтают, усевшись на деревянные перила крыльца районной больницы. Поначалу загорелыми ногами в одинаково белых прорезиненных тапочках, наперобой рассказывают мне:

— Наши папа и мама познакомились на фронте, в госпитале. Мама сразу влюбилась в папу, а папа нет, он был занят своей хирургией... Вот однажды он на маму за что-то рассердился и стал кричать: «Как вы могли допустить эту антисанитарию? Вы врач или нет, а вы спрашиваете?» — «Да, я женщина-врач», — сказала мама тихим голосом и заплакала. Папа сник ох и стал ее рассматривать. Тут у них все и началось. Они часто про это рассказывают...

НЕПРАВИЛЬНО

Мальчуги сказали так:

— Проси ко дню рождения все, что хочешь, мы тебе купим.

Мальчик смущенно помялся, потом краснея, спросил четкие термометра, чтобы разбить их и «как следует набраться ртутью».

Мама усмехнулась. И купила дорогого заводного мотоциклиста, которым он не стал играть.

— Я не хочу идти к дяде Боре. Я его не люблю, — говорит Милочка.

— Его надо любить, он ведь подарил тебе в Восемью марта трехколесный велосипед. Дядя-бормань девочка хочет с тобой поиграть сегодня вечером.

— Я не люблю дяди-бормань девочек!

— Но они подарили тебе в Восемью марта куклу с закрывающимися глазами...

Укладывает Милочку спать, мама спрашивает привычно-ласковым голосом:

— Ты любишь меня, детка?

И слышит в ответ:

— Но ты ведь ничего не дарила мне в Восемью марта.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

Здесь даже улица зовется — Шарикоподшипниковская.

Самое слово — шарикоподшипник — в разных сочетаниях видишь на доске то у одного, то у другого подъезда... Это — город в городе, «подшипниковая деревня» со своим Домом культуры, техникумом, поликлиникой, детсадом, со своими взрослыми и юными гражданами.

Молодежь после смены встречается на углу Шарикоподшипниковской и Второй Машиностроения, у аптеки, это — законное место свиданий (которое есть, между нами говоря, на каждом дворе, хотя об этом не всегда знают директора). А неподалеку играют дети — катаются на санках с ледяной горой, строят из снега укрепления. Маленькая, учтанная до невозможности девочка палочкой рисует что-то на снегу.

— Я хотела нарисовать кошку Катю, а вышла скала с ухами.

— А это что? — указывая я на соседний рисунок, — Ваза?

— Шариковый подшипник, — неожиданно чисто и звонко выговаривает девочка. Кажется, она недовольна, что я не понимаю таких простых вещей, задаю глупые вопросы...

Мы идем с завода вместе с технологом шарикового цеха.

— Да, шарник, шарник, — говорит он задумчиво, — сколько им отдало.

И хотя я знаю, что шарник — это просто технический термин для обозначения шаров точной сферической формы, все-таки в устах старого производственника это слово звучит по-особому, о со скрытой нежностью. Или мне только так показилось?

Задерживаемся на перекрестке — медленно ползет, пересекая дорогу, колонна малышей, которые шагают по полю, держась за руки и без умолку болтают. Остановился троллейбус, прощусь я их; нетерпеливо содрогаются легкие машины, задержанные светотормом; а малыши идут себе, не спеша, с чувством собственного достоинства, в неуклюжих тяжелых шубках, в пушистых капорах, обкрученных поверху шарфами и платками.

Мой спутник смотрит им вслед с мягкой улыбкой.

— Покатились наши шарники... Вот теперь слово «шарник» — что угодно, только не технический термин!

Недавно из ФРГ в Москву прибыл популярный камерный ансамбль — Штутгартский оркестр. В его составе — двадцать музыкантов. Создатель оркестра и его руководитель — профессор Карл Мюнцингер — завоевал репутацию одного из лучших дирижеров. Обширен репертуар оркестра. Он исполняет произведения Баха, Гайдна, Моцарта, а также современных композиторов — Хиндемита, Онеггера, Барбера, Бриттена и др. На снимке: выступление Штутгартского оркестра под управлением Карла Мюнцингера в Большом зале Московской консерватории. Фото А. Князева

РЕПЛИКИ

Комментарии не излишни

Положим, вы берете в руки новую книгу стихов. Все в ней, как надо: и средний «эпопейский» тираж 10 000 экземпляров, и симпатичная ледерлиновая обложка, и на ней — титла поэта, давя и заслуженно любимого читателя. Вы раскрываете книгу, готовясь принять в свою заранее благодарную душу поэтическое откровение, — и как раз встречаете стихи, в которых поэт выражает свое мироощущение, свою жизненную позицию.

К звездам смелый кролик совершил полет. Он новых высов ждет, Он требует высот! Как же нам сегодня не держать друзей, Мы тоже в путь готовимся — и ты, и он, и я!

Тут вы еще раз взгляды ваете в обложку с широко известным именем, захопываете книгу и восклицаете спасительно: «Комментарии излишни!»

Нет, в том-то и дело, что не излишни. Мы пошутили. Эти стихи не вошли в поэтический сборник и, надо думать, никогда не войдут. Вряд ли поэт соберется украсить свою книгу захватывающими строками о кролике, безудержно рвущемся в космос и побуждающем к дерзанию дружную семью местонаименных к ты, и он, и я.

Итак, эти стихи не вошли в сборник. Их не прочтут десяти тысяч любителей поэзии, которые приобретут новую книгу известного поэта. Зато их получили в качестве

ОРИГИНАЛ И КОПИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

НЕИЗВЕСТНО где, неизвестно когда и неизвестно кем был обнаружен некий подстрочный перепечатанный стихотворения.

«Я направлялся к вам, легкие видения сопровождали резной толгой моего коня, а месяц с правой руки привлекливо смотрел на меня.

Я возвращался домой, видения были уже не те, на душе было грустно и уныло. С левой стороны смотрел мне в след месяц.

Есть у поэтов такой обычай загадывать будущее, и народные суеверия нередко совпадают с душевными предчувствиями...»

Подстрочник, как всякий подстрочник, был сух и сер, но в то же время по свежести образов и метафор можно было почувствовать, что в стихотворении что-то есть. Но что именно?

Бюро секции переводчиков объявило конкурс на воссоздание подлинника на основе данного подстрочника. Поэты-переводчики откликнулись. И вот результат этих попыток.

Поэт И. Гоголев — большой знаток и тематический переводчик западных романтиков — предложил следующий текст:

Когда я ехал к Вам, не чувствуя печали, Фантомы резвые меня сопровождали, И я смотрел вперед, а барельефы луны Аккомпанировали мне с правой стороны. Когда я ехал прочь, то, трепеща от гнева, Я тот же лунный диск вдруг обнаружил слева.

Надежды и мечты рассеялись в момент, И грек был такой мне аккомпанимент. От трансцендентных тайн природы мы зависим.

Она толкает вниз и увлекает к abyss, И полагает она приметами нам весть, А мы дыхания не можем перестать!

Пожалуй, никто не отличит не сумел, Где правая, левая же сторона! Поэт Сергей Сердючкин переводом вообще не занимается, но в данном подстрочнике нашел и увидел нечто родное и знакомое, — невольно он проник, озарился и вдохновился:

Слева мне луна светла пылко, Предвещая радость и любовь, И неслая меня мой кобылка Под унылым твоим роскошным кров.

Той же ночью мчался я обратно Месяц был за левую рукой. Этот месяц, стало мне понятно, Он двуручник, а никто другой.

Пусть приметы злобно и лукаво Тянут нас тудую и сюдой! Я ни влево не свернул, ни вправо, Лишь вперед и только по прямой.

Сколько бы длилось это соревнование и чем бы оно закончилось — сказать трудно...

Известно была внесена совершенно неожиданным образом: ученик десятого класса школы имени Кузьмы Пружкова — Коля Иванов восстановил, наконец, подлинник в следующем виде:

Я ехал к вам: живые сны За мной вились толпой игриво, И месяц с правой стороны Сопровождал мой бог ретивый.

Я ехал прочь: нине сны... Душе влюбленной грустно было. И месяц с левой стороны Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши Так предаемся мы, поэты; Так суеверныя приметы Сослаганы с чувствами души!

Стихотворение Пушкина А. С. Называется «Приметы». Напечатано, и многократно!

АРГО
Рисунки художника В. Соловьева

РАССКАЗ В КИНО

В ПОИСКАХ материала для экранизации режиссеры кино в последнее время все чаще обращаются к современному советскому рассказу.

Нет ничего удивительного в том, что большой эпический рассказ типа «Судьбы человека» М. Шолохова превращается в выдающееся полнометражное кинопроизведение. Интересно другое — на экранах стали появляться короткометражные художественные фильмы, созданные на основе коротких новелл, занимающих три, четыре странички журнального текста.

Эта «малая форма» киноискусства вызвана к жизни главным образом потребностями телевидения. Некоторые короткометражные фильмы были созданы по заказу телестудий, а затем уже телевизор выдал им путевку на экраны кинотеатров.

Так, сделанный недавно по заказу Центральной студии телевидения фильм «Ночной гость» (сценарий Ю. Нагибина по его одноименному рассказу, режиссер В. Шредель) вскоре стал демонстрироваться на киноэкранах.

В тот же сеанс идет и другой фильм под названием «Дом напротив» (сценарий С. Воронина по его одноименному рассказу, режиссер А. Шахмалиева).

Обе ленты носят марку одной из ведущих киностудий страны — «Ленфильма» и, однако, резко отличаются друг от друга. Картина «Ночной гость» смотрится с интересом, а картина «Дом напротив» вызывает досаду и неприятие, известное каждому зрителю чувство, когда почему-то совестно за то, что ты видишь.

Вспыхнувшие радостью глаза при виде маленькой дочери, протянутое ей яблоко, ее исцеление — все это сделано точно и убедительно, во всем чувствуется художественный поиск режиссера, напряженная работа творческого коллектива.

А в картине «Дом напротив» задача создания человеческого характера перед актерами не стояла, и они начинают действовать по рецептам известной чашушки и изображать «не скажу, чтобы красивых, а просто симпатичных» персонажей.

Вместо живых людей они вынуждены играть плоские, одноплановые чувства. Так, симпатичный Василий с раздробленными бедрами во все в Василий, а сплошной смертельной тоской, симпатичная девушка — не девушка, а сплошное оживание любви, симпатичная Алетина Валерьевна — холодная олицетворение служебной мудрости.

Отсутствие ясной темы, как правило, порождает штампы. Штампованы, как карикатуры, фигуры Исматла и парикмахера. По второстепенным опереточным образам отштампован старец с занятием чубом на плевшиной голове, вызывающий оживание в первых рядах тем, что неожиданно вскрипывает и спрашивает: «Я не храплю?»

...Современный советский рассказ — один из боевых, злободневных видов

нашей прозы. Он завоевал многочисленных читателей. Кино и телевидение немаломо увеличивают их число. С другой стороны, эта «малая форма» киноискусства представляет собой самую подлинную область, в которой уместно пробовать свои силы молодым артистам и молодым режиссерам.

Да и для кинопродакта полезно разнообразить формы подачи фильмов: иногда вместо одной длинной картины приятно просмотреть сборную программу, нечто вроде тонкого журнала на экране: «Новости дня», кинорассказ, специальный выпуск кинохроники, веселую мультипликацию и даже кинорекламу, которая почему-то совсем исчезла с экранов.

По-моему, надо делать больше коротких художественных фильмов по рассказам писателей, и наших, и зарубежных. Следует только внимательно выбирать эти рассказы и помнить, что рассказ — это еще не литературный киносценарий и что от новеллы, даже очень хорошей, до сценария — дистанция очень большого размера. Нужно также при экранизации короткого рассказа не растягивать киноповествование искусственно, во что бы то ни стало, до полнометражного фильма, к чему склонны ныне сценаристы и режиссеры, а стараться делать фильм лаконичным, памятуя, что каждый лишний метр пленки ухудшает картину больше, чем лишняя, ненужная строчка рассказа.

Письмо в редакцию

В СТАТЬЕ, озаглавленной «Бойцы остаются бойцами», тов. Елена Серебровская, перечисляя авторов, совершивших идейные ошибки, пишет: «Или, если начинать сначала, — Эрнбург, автор «Оттепели», несущий долю моральной ответственности за характерные черты последней выставки молодых художников (убы, «ты сам этого хотел, Жорж Дантен...»)»

Название статьи тов. Елены Серебровской мне нравится, и, будучи бойцом, я таквим остаюсь. Именно поэтому я считаю необходимым ответить тов. Елене Серебровской. Начало моего ответа может показаться частным, личным, но порою на маленьком примере можно доказать нечто более общее. Мне кажется, что приведенные мною строки относятся к той критике, которая скорее напоминает судебную процедуру, нежели литературную дискуссию. Это, например, значит «если начинать сначала»? Явно, что не с начала советской литературы: «Оттепель» была напечатана в 1954 году. Явно, что не с начала моей литературной работы: «Оттепель», увы, не первая моя книга, а примерно девяносто первая. О каком же «начале» думает тов. Елена Серебровская? Судя по тому, что перечень имен в ее обвинительном заключении начинается с романа Дундича и кончается «Оттепелью», она полагает, что моя повесть была «началом» различных бед. Если критика выдвигает такое грозное обвинение, он должен его обосновать, говорить милоухом «если начинать сначала» — значит прибегать к намекам, а это хуже всего.

Я весьма критически отношусь к своим художественным произведениям и вижу в «Оттепели» немало слабых страниц, но я не считал и не считаю эту повесть «идеологической ошибкой». Она напечатана за два года до XX съезда КПСС, который, как и XXI съезд, представляет мне огромный и радостный событийный материал. Я вижу, как исчезают многие неправильные явления нашего быта, как меняются человеческие взаимоотношения, именно об этом я попытался в меру своих художественных способностей сказать в «Оттепели». Расценили не только наши поля, но и глаза наших людей; изменилась к лучшему не только архитектура наших городов, но и отношения между людьми; мы поражаем мир не только спутниками или лунниками, но и внутренним миром советских юношей.

Тов. Елена Серебровская говорит, что журналы и газеты должны давать литературным спорам «оконечную оценку». По-моему, это не вполне убедительно. Я хорошо помню, как менялись «оконечные оценки» поэзии Маяковского, поэмы всема различные «оконечные оценки» произведений наших крупнейших художников — Шостаковича, Эйзенштейна, Бончаловского. Автор статьи «Бойцы остаются бойцами», причисляя «Оттепель» к произведениям, содержащим идейные ошибки, очевидно, считает, что и в данном случае имела место «оконечная оценка». Мне известна только одна статья писателя К. Симонова, который в свое время осудил мою повесть. Но я никогда не пойму, почему поэзия К. Симонова должна мне казаться бесспорной.

Тов. Елена Серебровская утверждает,

Поэт Таркивин, много лет отлавливая переводом восточных поэтов, нашел в подлиннике известную специфику:

Я мчался к тебе через пальмовый лес С дамским копытом своим наперевес, И месяц, на правой левой стороне, Визрал на меня благосклонно и небес. Я мчался обратно немного спустя, Поводя коня своего опустя, А месяц мне с левой светлой стороны, Над горем моим с небосвода грустя, Веселым Аллахом примета дана На страх и на радость; когда б не она,

Обсуждение или осуждение?

В конце своей статьи тов. Елена Серебровская говорит о «консолидации» писателей: «она означает единство связанных общей целью людей, из которых один создал идею и вынос больше, а другой пока меньше, но которые объединены не на основе еще не изжитых какой-то частью коллектива идейных ошибок, но на принципиальной основе усвоенных позволяющих большинством ленинских революционных идей».

Мне думается, что идея Ленина не только «усвоена», она вошла в плоть и кровь нашего народа. Мне думается также, что «консолидация», или, говоря по-русски, сплочение всех советских писателей, всех работников советской культуры необходимо для более успешного, более гармоничного развития нашего общества, для воспитания молодого поколения, для борьбы против антигуманистических принципов капиталистического общества. Мы можем спорить о литературных формах, о живописном мастерстве, о многом другом и при этом быть еще более сплоченными перед лицом различных «свистунов». Но это — сплочение писателей или художников, по характеру мастерства далеких друг от друга, а вовсе не сплочение сознательных авторов с полусознательными. Я не знаю, кто из нас более «созел идейно и вынос» — тов. Елена Серебровская или я, но, как и она, помню, что бойцы остаются бойцами. Я готов идти с нею в ногу, когда перед нами враги нашей культуры, нашего народа, но я не согласен в моей писательской работе или в моих оценках живописи приравнивать мои шаги к ее шагам — это не поможет ни мне, ни ей, ни нашим читателям.

Мы вправе гордиться необычайными успехами нашей науки, нашей техники, нашего сельского хозяйства, нашей внешней политики. Каждый советский писатель, наверно, не раз думал о том, что радость советских открывателей космоса опережает творческий взлет нашей литературы. Нам нужно писать, писать, стараться набрать высоту и меньше предаваться легкому, но малоплодному делу взаимных обвинений. Да, бойцы остаются бойцами, но бойцы бьются с врагом, а не с товарищами по той разведке боев, которую вел, ведет и будет вести советская культура.

Илья ЭРЕНБУРГ

то в их работах было бы меньше случайного, наносного, поверхностного, больше глубины и настоящей творческой смелости. Но за то, что на выставках изобилуют картины одних художников и отсутствуют или почти отсутствуют работы других, я не несу ни доли моральной ответственности — я ведь не являюсь одним из руководителей наших художественных организаций.

Тов. Елена Серебровская вспоминает слова Мольера: Жорж Дантен не захотел слушать разумных советов, ему следует пенять на самого себя. От разумных советов отказываются только люди заведомо неразумные. Тов. Елена Серебровская, защищая критику, ссылается на Белинского, на Чернышевского. Но кто отрицал значение таких критиков и такой критики? Однако критика критике рознь. Статья тов. Елены Серебровской — наглядный пример критики, которая стремится скорее осудить, нежели обобщить. Неверно, что тон делает музыку, но неверный тон способен уничтожить любую музыку. Я вполне согласен с тов. Еленой Серебровской, когда она говорит, что разоружение, которого мы добиваемся, не означает отказа от борьбы за нашу идеологию. У нас, у советских народов всеобщей культуры, много противников, с ними я спорю иначе, нежели с тов. Еленой Серебровской. Меня удивляет, что, говоря обо мне и о моей повести, она обвиняет, не объясняя даже сущности моего «преступления», считая факт его доказанным. По-моему, это не спор между двумя советскими авторами, у каждого из которых достаточно внимательных и высказательных читателей как в нашей стране, так и за ее рубежами...

Я только что вернулся из Скандинавии. В Осло я выступил по просьбе Союза норвежских студентов с докладом о судьбах культуры. В зале было около тысячи студентов, они внимательно слушали меня, хотя, конечно, многие из них не разделяли моих суждений. Потом началось обсуждение. Некоторые из выступивших воспитанные за годы «холодной войны» не только на неприязни к нам, но и на незнании нас, повторяли различные малобоезастные суждения, известные мне по газетам, куда более интересующимся судьбами НАТО, нежели судьбами культуры. Когда я начал отвечать на поставленные мне вопросы, кто-то в зале свистнул. Студенты возмущались: они хотели слушать, хотели узнать, что я отвечу. Свистящая молчаливая «холодная война» кажется мне естественными: ведь передо мной были не только друзья, но только любознательные юноши, желавшие познакомиться с мыслями советского писателя, но и непримиримые противники. Конечно, свистки — слабый довод, я об этом сказал норвежским слушателям, но если я могу объяснить свисток человека, ненавидящего социализм, то для меня остается загадочной позиция тех советских критиков, которые не только забывают о товарищеском тоне, но и, по сути дела, выдвигая обвинения, не пытаются даже их обосновать. Дело, разумеется, не в «Оттепели», не в Эрнбурге, да и не в картинах того или иного молодого художника, дело в климате, который неоплодотворенный климатом развития нашей литературы.

Юбилей Иосифа Гришави

Общественность Грузии широко отметила 70-летие со дня рождения Иосифа Гришави, одного из виднейших мастеров грузинской советской поэзии. Указом Президиума Верховного Совета республики Иосифу Гришави присвоено звание народного поэта Грузии.

Сотни блицесов присутствовали в Театре оперы и балета имени Пилиаши на юбилейном вечере.

С докладом о жизни и творчестве Иосифа Гришави выступил Бесо Жентли.

Юбилера тепло приветствовали представители творческих союзов республики, научных и культурных учреждений.

Литературная хроника

★ Исполнилось столетие со дня рождения узбекского поэта-просветителя Закирджана Фурката. В Ташкенте состоялся торжественный митинг общественной жизни, посвященный закладке памятник Фуркату. На празднике выступил классический узбекский писатель, установивший памятник узбекской литературе, поэту-демократу Закирджану Фуркату.

★ В Киевском Думе литераторов проведен вечер, посвященный 50-летию со дня смерти замечательного сына Бразильского народа Эукидеса да Кунья — писателя и журналиста, историка и философа, инженера и географа, борца за мир во всем мире.

Вечер открыл Павло Тичина. Доклад о жизни и деятельности Эукидеса да Кунья сделала член-корреспондент А. К. де Миди на уч. УССР Н. Крутицкий.

★ Многолетняя творческая дружба связывает московского переводчика и литературоведа Евгения Мозолюкова с белорусскими писателями. Учитель плодотворную деятельность Е. Мозолюкова по пропаганде белорусской литературы, Президиум Верховного Совета БССР наградила его в связи с пятидесятилетием со дня рождения Почетной грамотой.

★ Возвратившись из летних поездок по республике, белорусские писатели встречаются в эти дни с читателями, рассказывают об увиденном, о своих творческих планах. Интересный вечер белорусской поэзии состоялся на поэтическом «Октябре» Основного района. В гости к рабочим приехали поэты Пимен Панченко, Василь Витка, Никола Абрамчик.

Теплыми были встречи писателей с коллективами других предприятий, строек, колхозов.

★ Сталинградский драматический театр уже много лет работает в сотрудничестве с местными драматургами, ставит их пьесы. На днях была показана пьеса А. Шейнина «Испытание». Это его третье произведение, поставленное театром.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Одна из датских газет вскоре после выступления Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН писала: «Советский премьер-министр бросил бомбу более сильную, чем водородная».

ТОИИ де ФРИЗ, голландский писатель

вокаций любой ценой, пусть даже ценой гибели миллионов людей. И есть подлинный реализм (да позволяет мне применить термин «социалистический реализм»), реализм Н. С. Хрущева, Советского Союза, реализм народов, понимающих, что ненормальную напряженность нынешнего времени надо ликвидировать.

Этот социалистический реализм не исключает мечтаний, воображения и фантазии. Более того, мечты и фантазии являются его существенной стороной, если это мечты о мире, где отсутствуют страх и угрозы, о мире, богатом возможностями для всестороннего проявления человеческих способностей.

В чем реальность мечты о всеобщем и полном разоружении даже в условиях капитализма? В том, что капиталисты не зависят исключительно от расцвета военной промышленности. Наоборот, участие в развитии мирного производства и мировой торговли отнюдь не привлекает их к разорению. Многие районы нашей планеты еще нуждаются в экономической, технической и научной помощи. Можно сделать немало полезного, не отказавшись при этом от прибыли.

Не думаю, чтобы я открыл нечто новое: подобные воображения и возможности наверняка приходили на ум многим капиталистам. Им, вероятно, лишь не хватает смелости, чтобы сделать первый шаг. По этот первый шаг являлся бы спасительным началом. Отказ от него привел бы к быстрой гибели. Ибо его альтернатива — продолжение «холодной войны» и развязывание ядерной войны.

Мир во всем мире может быть сохранен и будет сохранен. От правителей некоторых крупных государств теперь зависит, чтобы это не произошло без них и помимо них.

«Бомба», брошенная Н. С. Хрущевым в зале заседаний ООН, вызвала взрыв. Взрыв литования среди миллионов людей, страстно любящих реализм будущего. Но, ослепленные надеждой и радостью, мы не можем забывать бессмертные призывы Юлиуса Фучика:

Люди, будьте бдительны! Пока существует сильная и безжалостная банда грабителей, мы должны трезво смотреть на международную обстановку и ее развитие. С позиций подлинного реализма.

Нам остается лишь поздравить советский народ с правительством, которое так трезво умеет оценивать положение дел в мире, которое имеет мужество выступать с реальными предложениями, по-новому выражающими древние мечты человечества о мире.

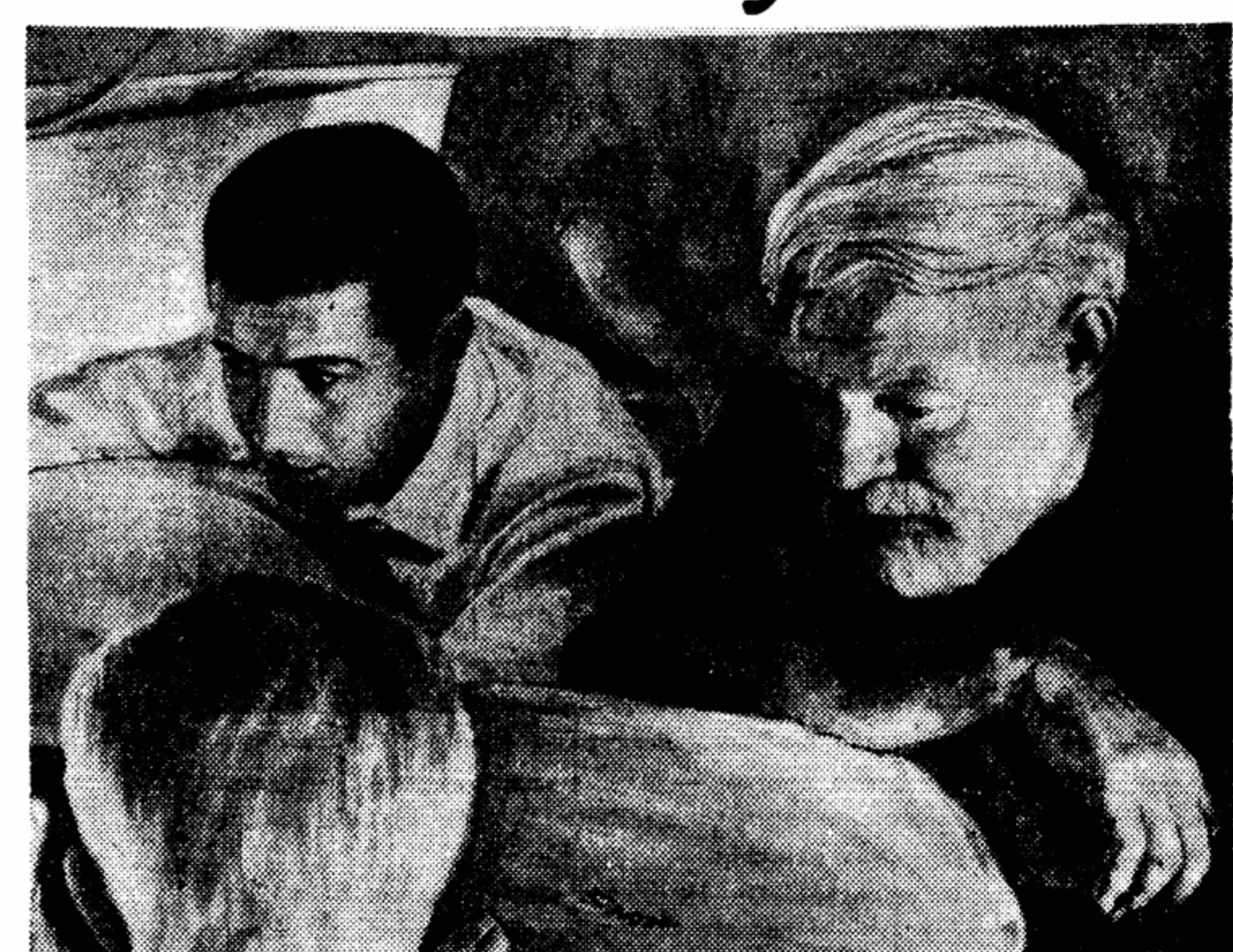
АМСТЕРДАМ

8 сентября 1959 года, за несколько дней до поездки Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, в нашей газете появилась небольшая заметка Льва Кассиль, только что вернувшегося из США. Автор писал, что на одном из приемов в Москве общественный деятель США спросил, как бы советские люди отнеслись к тому, если бы вместе с президентом Эйзенхауэром во время его предстоящего визита в Москву приехал, например, Эрнест Хемингуэй? Мы заверили нашего собеседника, писал Кассиль, что Хемингуэй «будет встречен с огромным сердечным интересом и общим одобрением».

Некоторые недобросовестные иностранные журналисты это желание нашей литературной общественности встретиться с Эрнестом Хемингуэем, использовали как повод, чтобы посеять неприязнь между советскими писателями и Хемингуэем. В американском журнале «Ньюсуик» от 21 сентября в разделе, который носит название «Дела-тели новостей», появилось такое сообщение: «Московская «Литературная газета» сообщила, что Хемингуэй на первой посылке приглашение лауреату Нобелевской премии Эрнесту Хемингуэю сопровождать президента Эйзенхауэра в его предстоящем визите в Советский Союз... Но Хемингуэй, который находится сейчас в испанском городе Мурсия вместе со своим любимцем матадором Антонио Ордоньесом, сказал, что он никогда не променяет быков на борщи».

Анонимный корреспондент сознательно извратил ответ Хемингуэя. Мы убедимся в этом, получив на днях письмо писателя. Вот что пишет Эрнест Хемингуэй:

Письмо Хемингуэя

Апартадо, 67, Малага

шу эту реплику в надежде, что Вы ее напечатаете.

В данное время поездка в Москву для меня неосуществима, так как я размышляю по Испании, наблюдая за серией коррид этого сезона с тем, чтобы написать добавление к «Смерти после полудня» (работа, которая, как я слышал, печатается в издательствах в Советском Союзе). Когда я с этим покину, на очереди будет трудная работа, которую я должен довести до конца, так как никогда не можешь поручиться, сколько тебе отпущено времени на ее завершение.

Когда срочные работы будут окончены, я с радостью приехал бы в Советский Союз, и с еще большей радостью я захватил бы с собой своего друга Антонио Ордоньеса, и может быть, нам удалось бы устроить корриду в Москве или в другом подходящем для этого месте.

С наилучшими пожеланиями и уважением к Вам и Вашим коллегам остаюсь искренне Ваш Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

Редактору «Литературной газеты» Москва Милостивый государь, Когда в Мурсии, встретив меня в калехоне (это проход между барьером арены и первым рядом) в перерыве между третьим и четвертым быком, репортер спросил, собираюсь ли я отправиться в Москву с президентом Эйзенхауэром, я принял это за шутку и ответил ему: «Как же мне отправиться в Москву, когда в завтрашней корриде выступают мастера школы Ронда!» И, продолжая шутить, я сказал: «Если бы меня пригласили вместе с моим другом Антонио Ордоньесом, который выйдет против следующего быка, как только смуют арену я бы, может быть, и поехал».

Я не могу себе представить, что это будет распространено как мой ответ на формальное приглашение посетить Москву вместе с президентом Эйзенхауэром. Я никогда не позволил бы себе быть грубым или невнимательным по отношению к Вашей газете, поэтому я и пишу это письмо.

Школа Ронда воспитывает матадоров строгим стилем.

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО...

КАЖДОЕ послевоенное воскресенье часов в восемь утра на улице генерала Леклера в Париже появлялась невеселая седая женщина с пачкой газет «Юманите-дианши». Она шла вдоль квартала, размахивая газетой и выкрикивая: «Юманите-дианши! Покупайте «Юманите!» («Я кричала во весь голос», — говорит она).

Рядом сновали «конкуренты» — продавцы других изданий. Видя, что к ним подходит покупатель, она обращалась к нему: «Не берите этой газеты. Только «Юманите» стоит читать в наши дни! Важный господин, взглянул на женщину, наставительно замечал: «Вы уже очень немалы, мадам... Не лучше ли вам сидеть дома и вязать?»

Вязать... У меня не хватает времени на это. Покупайте «Юманите-дианши!» («Иногда и таких удавалось убедить купить!»)

И так из воскресенья в воскресенье, год за годом. Ее приглашали в редакцию «Юманите», благодарят, хотят опубликовать в газете ее портрет. «Ни за что», — категорически отказывается она. А когда сумка пустела — 50—60 экземпляров газеты находили своих покупателей, — она шла к себе, в районную организацию Коммунистической партии Франции или домой, на шестой этаж одного из обычных парижских домов, отдыхала, писала воспоминания...

За плечами — большая жизнь. Много сделано, много событий, встреч... Одна из самых ярких, вспоминается ей, в начале января 1902 года. Против нее, гостя, за обеденным столом сидит хозяин дома — седой, бородастый человек. «Вы не думайте, что доктор плохо воспитан, — смеется он, указывая на одного из сидящих за столом, — он ест левой рукой, потому что правой записывает все, что я говорю». Это Лев Толстой. Вечером гостя поет для него. Аккомпанирует А. Гольденвейзер. Звучит музыка любимого композитора певцы — Мусоргского, романс «Полководец».

«Это Мусоргский? — переспрашивает Толстой. А почему же мне говорили, что он плохой композитор? Это великолепно! Как ему удается в музыке передавать движение? — интересуется он».

Толстой берет певцу и ее мужа в окрестности Ясной Поляны, показывает родник в овраге, который никогда не замерзает...

Это только два эпизода богатой жизни известной русской поэтессы Марии Алексеевны Олениной-Дальгейм, недавно приехавшей в Москву.

Есть в русской культуре люди, беззаветно, всего себя отдающие служению людям. Даже уходя со сцены, они не уходят от людей, видя свое призвание в неустанной, бескорыстной помощи другим. «Последние двадцать лет я занимаюсь не музыкой, а общественными делами, политикой», — рассказы

зывает мне Мария Алексеевна Оленина-Дальгейм. А раньше? Разве создание в Москве «Дома песни» в 1908 году — это не общественные дела? Организация лекций-концертов русской музыки в Париже? Хлопоты по санаторию для французских актеров, больных туберкулезом? Мы сидим с Марией Алексеевной в номере в московской гостинице «Пekin». Стол завален письмами, газетами, программами концертов, книгами. Я беру одну из них, на французском языке, изданную в Париже в 1908 году. «Заветы Мусоргского» — стоит на ее обложке. «Это моя работа», — говорит М. А. Оленина-Дальгейм, — но вот книга лучше, ее написал мой муж, французский писатель Пьер Дальгейм. Книга называется «Мусоргский».

Мой первый скромный, но столь дорогой мне успех, — рассказывает мне Мария Алексеевна, — это выступление в Петербурге в 1887 году. Кажется, по случаю отъезда Чайковского за границу у Балакирева собралась группа музыкантов и критики, люди искусства. Пришли Стасов, Римский-Корсаков, Кюи и другие. В ту пору мне было неполных восемнадцать лет. Я приехала в Петербург продолжать свое музыкальное образование и, конечно же, ждала одобрения и поддержки. И вдруг после одного из романсов Стасов басом проорал напрямик: «Экая гадость!» Все захохотали, оказалось, это относилось к словам романа, действительно очень пошлым и дурным. Так состоялось мое «крещение».

Выйдя замуж за французского писателя и музыкального критика, я уехала в Париж и с 1896 по 1937 — сорок один год — выступала с концертами, пела в опере.

На столе у Марии Алексеевны альбомы с вырезками — отзывами о концертах. Это было дерзкое начинание — пропагандировать творчество Мусоргского, которого многие не понимали, не любили. Но концерты, которые предвещались лекцией Пьера Дальгейма о русской музыке, проходили со все возрастающим успехом. Я листаю положительные высказывания французской прессы, сообщения из Парижа русских газет конца прошлого века. А вот теплый отзыв композитора Клода Дебюсси, побывавшего на одном из концертов.

Вдали от Родины Мария Алексеевна Оленина-Дальгейм не порывает связи с Россией, много раз наезжает, живет в Москве, организует «Дом песни», который ставил своей задачей популя-

ризацию песенного творчества народа и русских композиторов и просуществовал до 1915 года. Ей пишут Балакирев и Стасов, на ее концерты съезжаются многие любители музыки. Последний концерт в России состоялся в 1926 году.

Среди бумаг актрисы я замечу большой диплом, выданный ей Национальной ассоциацией друзей франтизеров и французских партизан. Рядом — сопроводительное письмо из ассоциации. В нем говорится: «...Слово «героизм» не будет преувеличением по отношению к тем, кто, рискуя своей жизнью, не побоялся укрывать патриотов, материально помогать участникам движения Сопротивления».

Постепенно я узнаю от Марии Алексеевны историю нескольких дней ее жизни в годы нацистской оккупации Парижа; она прятала у себя одну еврейку, которой грозила высылка в Германию, и молодого человека, которого ждал арест. «Он ушел под вечер и оставил у меня свои вещи. Я посмотрела — это был Брюно Марсиса и Ленина. Не пришлось мне спать в ту ночь. А утром от него приходила женщина и вытаскивает из моего мешка с углем его револьвер. Я и не знала, что там спрятано». М. А. Оленина-Дальгейм рассказывает это кратко, с неохотой, лишь отвечая на мои вопросы.

В 1945 году, после Хиросимы, я вступила в Коммунистическую партию Франции, но и до этого я считала себя коммунисткой, — говорит Мария Алексеевна.

Документы, лежащие передо мной, повествуют о запятанных неустанным трудом парижских буднях этой девяностолетней женщины, русской певицы. Она участвует в собраниях сторонников мира, выполняет поручения своей ячейки Коммунистической партии. Маленькое письмо — благодарности за денежную поддержку от Комитета защиты демократических свобод в Черной Африке. В последние годы Мария Алексеевна получала скромную пенсию и на значительную часть ее покупала экземпляры «Юманите».

За свой счет рассылала она газету видным юристам, людям искусства, общественным и государственным деятелям. «Им полезно почитать».

«Продлено много лет. Но время словно бы не властно над теми, кто не знает дня без труда, кто вечно молод духом. Я пришла сюда работать, — замечает М. А. Оленина-Дальгейм, — хочу передать свой опыт исполнителем молодежи, помочь ей. Я еще поработаю...»

Ю. ГАВРИЛОВ

Последняя трансформация г-на Мальро

ЛЕВ СЛАВИН

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

МОЖНО назвать хрен редкост, а войну — умно в о р е н и е м. Хрен от этого не станет слаще, а война бескровнее.

«Умиротворение и е» Алжира длится пять лет и обобщило население этой страны в миллион человеческих жизней.

Полумиллион и н а французская армия и несколько сот тысяч полице й с н и х «умиротворяют и х» Алжир, получили подкрепление: к ним присоединились г-н Андрэ Мальро, писатель, государственный министр по делам культурных отношений.

Впрочем, не видите г-на Мальро в Африке. Он атаковал алжирских повстанцев с континента Южной Америки.

Серенада Андрэ Мальро из французского еженедельника «Франс нувель».

случайной, доказывает упорство, с каким г-н Мальро повторяет ее.

В Буэнос-Айресе он заявил: «Наша проблема состоит в том, чтобы научить голосовать народ, не привыкший к этому. Мы заставим его голосовать столько раз, сколько требуется, чтобы он привык ясно выражать свои пожелания».

По поводу такого принудительного обучения демократии посредством танлов, концертов и речей г-на Мальро газета «Аль-Муджахиб», орган Национального фронта освобождения Алжира, писала: «Небольшой вопрос к господину министру культуры. Можете ли вы объяснить, почему все усилия французской администрации в Алжире с 1947 по 1954 год неизменно были направлены на подготовку результатов голосования этого народа, который «не умеет голосовать» и «не привык ясно выражать свои пожелания? Если результаты голосования были столь неопределенны и желания населения не были ясны, то для чего же так ревностно старались их исканить? А о референдумах, организованных правительством де Голля, уж и говорить не приходится, господин министр».

странам. А Бразилии, часто страдающей от засухи, г-н Мальро пообещал подарить... искусственный дождь, который в скорости якобы будет изобретен во Франции. Вот на что нынче расходуется необузданная фантазия романиста!

В этом дожде речей не было недостатка в изысканных образах, в тончайших исторических реминисценциях. Алжир селетался с эллинистической культурой, Сахара — с архитектурой инков. Г-н Мальро представлял перед слушателями как живое воплощение духовного начала (главным образом, на банкет). Воображаю, как потешалась, читая эти речи, заплеченные мастера, пытавшие алжирских патриотов!

Против этих ужасающих попыток протестовала французская общественность. И было время, когда под одним из протестов между подписанями Роже Мартен дю Гара, Франсуа Мориак и Жан-Поль Сартра можно было прочесть и подпись писателя Андрэ Мальро. Да, так было в апреле 1958 года. Потом было 13 мая 1958 года... И когда в 1959 году была конфискована книга «Гангрена», описывавшая пытки, которым были подвергнуты алжирские студенты в парижской тюрьме, то приказ о конфискации был санкционирован... министром Андрэ Мальро.

Удивительно ли, что бразильские студенты вручили г-ну Мальро во время его посещения философского факульте-

та университета в Сан-Пауло письмо с приложением двух ватных компрессов. Смысл этого странного приложения явствует из письма: «Господин министр Андрэ Мальро! Бразильские студенты просят Вас принять эти ватные компрессы. Они весьма пригодятся Вам, так как с их помощью Вы сумеете спокойно писать свои трактаты об искусстве, не боясь, что Ваш покой будет нарушен воплями людей, которых пытают совсем неподалеку от резиденции правительства».

С наилучшими пожеланиями от имени бразильских студентов Жозе Мануэл Коппраду Рибейру, председатель Национального союза студентов Бразилии.

Для людей, знавших г-на Мальро и ранее, он никогда не являлся психологической загадкой. Даже и тогда, когда он примыкал к Народному фронту и произносил антифашистские прогрессивные речи, его теснелие, позерство, авантюризм и беспринципность заставляли относиться к нему настороженно. Да, он участвовал в движении Сопротивления. Но сколько вреда принес он там, раздувая противоречия между социалистами и католиками, с одной стороны, и коммунистами, с другой! Жан Дарсей недавно писал в «Франс нувель»:

«Я знаю вожаков маки, руководителей французского Сопротивления, ко-

торые предлагали Мальро присоединиться к ним в то время, как борьба против гитлеризма и нацистской оккупации была в разгаре; все они оказались выставленными за дверь этим человеком, тесно связанным с разведывательными органами одной иностранной державы».

Даже такой далекий от коммунизма писатель, как Франсуа Мориак, писал о Мальро в «Фигаро литерер»: «Это человек, тяжело заболевший жаждой власти, которому судьба сейчас дала в зубы министерство».

Г-н Мальро полагает, что он поднял, заняв министерский пост. На самом деле он скатился до роли рекламного агента кровавой колониальной войны в Алжире. Перуанские студенты в городе Лиме, к которым он сумел со слащавыми речами, по заслугам встретили его возгласами: — Убийца!

Г-ну Мальро обижаться на это не приходится. Как говорится в одной старой поэмке о некоем прытком и небрежливом воробе: уж если ты засел в навозе, то не чирикай.

В защиту Жана Бриера

«XX ВЕК не должен больше убивать своих поэтов» — под таким заголовком опубликовал парижский еженедельник «Леттер франсез» сообщение о том, что на Гаити 19 сентября был арестован известный поэт Жан Бриер. Тюремщики подвергли поэта пыткам, его жизнь в опасности. Национальный комитет писателей Франции направил президенту Гаити телеграмму протеста.

Из статьи Арагона мы узнаем, что Жану Бриеру предъявлено нелепое обвинение в «покушении на внутреннюю и внешнюю безопасность Гаити» и в «связях с гангитскими революционерами, которые, вернувшись с Кубы, ведут на Гаити партизанскую войну». Бриера могут признать «виновным» до суда, над ним могут учинить расправу еще в тюремных застенках. Нужно спасти Бриера, пишет Арагон, необходимо возвать к общественному мнению Франции, к международному общественному мнению, чтобы предупредить готовящееся преступление.

Гаити, страна легендарного героя Туссена-Лувртура, слава великими традициями национально-освободительной борьбы. Пламенем этой борьбы озарена гангитская поэзия, и Жан Бриер, которому сейчас пятьдесят лет, уже в юности был одним из вожаков антиимпериалистического движения, ближайшим другом и соратником выдающегося деятеля и писателя Жака Румэна.

Поэзия Жана Бриера многолика. В ней и пейзажная, любовная лирика «Тайных песен», и взволнованные, горькие и мужественные стихи сборника «Сохраняй бога», написанные на смерть Жака Румэна, и прекрасные эпические поэмы «Дессалин говорит нам», «Черная душа», «Истони», «Ночь», «Старый океан» и драмы в стихах «Знамя градоура», «Петюн и Боливар», «Прощание с Марсельезой». Во всех этих произведениях — жизнь и муки, история и надежды негритянских народов, все они озарены патетическими ответами боев за освобождение, которым полна история Гаити.

Большой писатель, Жан Бриер широко известен в своей стране как демократ и патриот, как человек большой искренности и гуманности. Свои идеи он воплощает не только в книгах, он отстаивает их в большой общественной деятельности, как это было в период борьбы против американской оккупации или в последние десятилетия. Будучи послом в Буэнос-Айресе, он несколько часов сражался однажды против полиции, защищая аргентинских демократов, которые искали убежища в здании посольства Гаити.

«Пятнадцать лет назад в Гаити безвременно погиб Жак Румэн, возглавивший передовую гангитскую интеллигенцию в ее борьбе за освобождение, за расцвет национальной культуры. Угроза смерти нависла ныне над его ближайшим другом — Жаном Бриером. Чего добиваются гангитские власти, пытаясь уничтожить лучших писателей, представляющих славу своей страны и сделавших ее культуру известной далеко за пределами Гаити? Неужели они думают, что могут скрыть от мира свои преступления?»

Передовые писатели всех стран встают сегодня на защиту Жана Бриера.

Е. ГАЛЬПЕРИНА

ПЕРЕД НЕДЕЛИ АНГЛИЙСКОГО КИНО

20 октября начинается неделя английского фильма. Зрители увидят художественные картины «Ричард III», «Джордж», «Оливер Твист», «Устами художника», «Женщина в халате», «Живые», «Как важно быть серьезным» и семь короткометражек.

Вчера в Центральном Доме литераторов состоялся организованный для прессы Министерством культуры СССР просмотр английских фильмов.

ПРОИЗВОДИТСЯ ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ИСКУССТВО КИНО»

Журнал публикует исследования, статьи по вопросам теории и истории кино, режиссуры, кинодраматургии, актерского и операторского мастерства, критические обзоры, рецензии на новые фильмы, фельетоны и очерки.

В 1960 году в журнале печатаются новые сценарии Игоря Неверина и Евгения Габриловича, Афанасия Салынского, Алексея Каплера и других советских и зарубежных кинодраматургов.

Подписка принимается без ограничений в пунктах подписки «Союзпечать», контролах и отделении связи, а также общественных библиотеках, школах, на заводах и фабриках, в колхозах, совхозах и ПТУ, в учебных заведениях и учреждениях.